

ПЕРСОНА
ЮБИЛЕЙ

Сегодня выдающемуся кинорежиссеру исполняется 80 лет

Григорий ЧУХРАЙ: Я БЫЛ ВЕСЬМА ИСКУСЕН В ДЕМАГОГИИ

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Григорий Наумович, вы автор книги «Моя война». Создается впечатление, что эта часть жизни для вас не менее (если не более) важна, чем то, что вы сделали в кино. Это так?

— У меня довольно нестыдная военная биография — уже на второй день войны я был ранен. И за эти годы совершенно забыл о своем мирном желании работать в кинематографе. Но однажды произошел удивительный случай. Бомба попала в дом, где находился книжный магазин. Был испорчен водопровод, и по асфальту текли ручейки чистой воды, а в них валялось множество книг. Я нашел всего одну сухую книгу — «Режиссура в кино» Льва Кулешова, подобрал ее и долго возил с собой. Потом отдал на хранение своей будущей жене.

— Вы помните, как познакомились с Ириной Павловной? Ведь она не только сохранила для вас эту книгу, но и ждала вас всю войну.

— Отлично помню, как это произошло. Был сорок первый год. Мы стояли на формировании в городе Ессентуки. В выходные, когда занятий было немного, ходили по вечерам на танцы. И вот однажды, скучая в стороне, я увидел девушку, которая произвела на меня сильное впечатление. К ней подошел мой однополчанин, поговорил немного и пригласил на танец ее подругу. Я был страшно удивлен. Как так? Почему подругу? Уж я бы наверняка пригласил ее, так она мне понравилась! Позже я спросил у него, что это за девушка. «Это Ира Пенькова, мы с ней вместе учились в институте», — ответил товарищ и познакомил нас. Потом я пошел ее провожать, назначил новую встречу. У нас завязался роман. Я уехал на фронт, а она осталась в Ессентуках. Но в 44-м за прыжок в тыл врага я получил двухнедельный отпуск (я тогда служил в ВДВ, а начинал как связист). За каждый прыжок нам полагался отпуск, но этим правом обычно никто не пользовался. Но я уговорил начальство, приехал в Ессентуки, нашел Ирину и женился на ней. И свадьбу мы сыграли ровно за год до Дня Победы — 9 мая 1944 года. Женился и тут же уехал на фронт.

— И как же вы празднуете 9 мая — как День Победы или как годовщину свадьбы?

— И так, и так. Раньше мы собирались семьей за большим столом, в память о погибших товарищах я надевал пиджак с орденами. Теперь просто смотрю телевизор. В этом году, например, увидел отвратительную передачу. В ней шла речь о том, кто водрузил Знамя Победы над рейхстагом. На протяжении двух часов разбирали, кто конкретно это сделал — Иванов, Петров или Сидоров. Да какая разница, кто? Это что, футбол? Я-то всегда думал, что знамя — символ нашей общей победы, а в ней есть заслуга и моих погибших товарищей.

— «Баллада о солдате» получила невероятное множество призов на кинофестивалях по всему миру. Вы-то сами ездили на эти фестивали, держали в руках призы?

— Иногда ездил, а иногда даже не знал об этом. Помню, как-то мы с Валей Ежовым, который помогал мне писать сценарий «Баллады», пришли к заместителю министра кинематографии Баскакову. Большой начальник

Легенда гласит, что кинорежиссер Григорий Чухрай однажды участвовал в народном обсуждении своей картины «Сорок первый». «Вы что, знаете этого режиссера?» — спросили его любопытные граждане. — «Знаю». — «Говнюк?» — «Абсолютный!»... Потом была «Баллада о солдате», другие фильмы, десятки призов и мировое признание. Причиной тому, конечно же, — врожденный талант Григория Наумовича. И еще, думаю, его трудный характер. Сегодня Чухраю исполняется восемьдесят лет. Но глядя ему в глаза, я прекрасно понимаю, почему большое партийное руководство побаивалось этого режиссера.

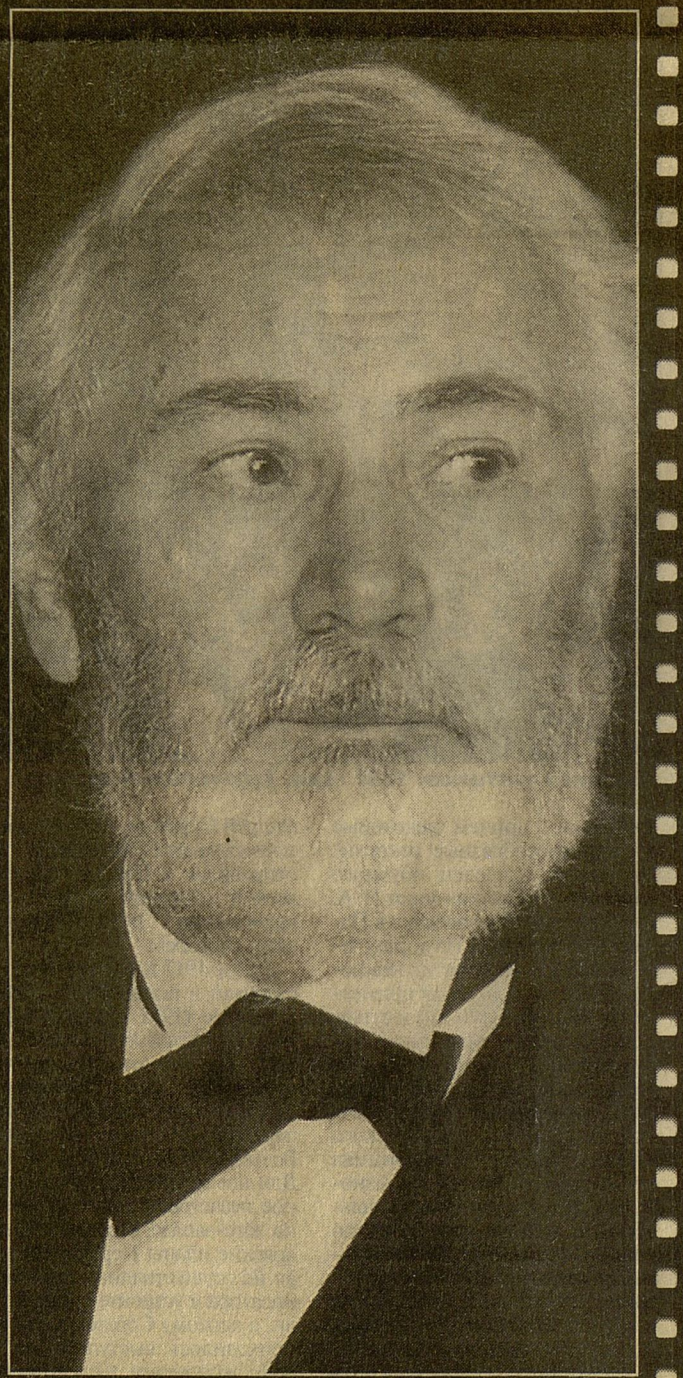
принял нас хорошо, правда, много курил. И все время стряхивал пепел в серебряную пепельницу в виде сомбреро. Я невольно обратил внимание, что на ней написано: «За «Балладу о солдате». Очень разозлился, взял пепельницу, вытряхнул окурки прямо ему на стол и протянул Ежову со словами: «Валя, возьми, это твоя!». Она до сих пор у него хранится.

— Вы всегда так вели себя с начальством?

— Довольно часто. Я ведь был секретарем Союза кинематографистов, членом Коллегии Госкино. Но везде оставался белой вороной, потому что не подпускал к себе чиновников. Я их просто презирал.

— И у вас не возникало проблем в связи с этим?

— Были очень большие проблемы, но я всегда побеждал. Вот вам пример. Григорий Колтунов, который вместе со мной работал над сценарием к фильму «Сорок первый», после выхода картины написал на меня донос. Дескать, под этой грязной белогвардейской стряпней он не поставит своего честного имени. Ситуация сложилась очень опасная, ведь мы жили в полицейском государстве. Но фильм случайно попал на глаза Никите Хрущеву. А тот, посмотрев, сказал: «Отправляйте картину в Канны». В

Каннах я получил престижный приз, и машина закрутилась в обратную сторону. «Сорок первый» все-таки вышел на экраны. А за фильм «Баллада о солдате» меня хотели исключить из партии. Было решено, что эта картина позорит советских людей.

— Видимо, Никита Сергеевич был вашим поклонником. А как вы справлялись с мелким начальством?

— Я умел себя защищать. Во время войны у меня был хороший инструктор по рукопашному бою. Он говорил так: если твой

Помню, однажды я как режиссер поставил эстрадный спектакль. Меня вызывают на худсовет, и одна дама говорит: «Мне не нравится то, что любимая песня Ленина «Дубинушка» звучит в эстрадном исполнении». Я, не задумываясь, отвечаю: «А меня огорчает, что вы говорите о том, в чем не разбираетесь. Любимая песня Ленина «Замучен тяжелой неволей», а вот любимой песней Троцкого была как раз «Дубинушка!». Она страшно перепугалась, побледнела — ведь прослыть троцкистом в то время было чревато очень серьезными последствиями.

— Тем не менее вам наверняка приходилось идти на поводу у цензуры.

— В своих картинах я не изменил ни одного эпизода, хотя от меня этого постоянно требовали. Помню, как во время работы над «Балладой о солдате» нас с монтажной вызвал директор студии и велел убрать целый ряд эпизодов. Я сказал, что ничего убирать не буду. «А с вами я даже разговаривать не буду!» — сообщает мне директор и обращается к монтажнице: — Я как начальник приказываю вам убрать такой-то, такой-то и такой-то эпизоды. Вы что, не слышите мое приказание?!» «Товарищ директор, я вас не только не слышу, но и не вижу! В этом фильме идет речь о мальчиках, которые умирали за нашу свободу. Я не буду ничего менять», — сказала монтажница. И заплакала.

— Вы всегда были таким бескомпромиссным?

— Я мог себе это позволить — мой авторитет в мировом кинематографе был очень высок. А мировое признание весьма ценилось нашим тоталитарным государством. Но я бы не смог себя защитить, если бы не Алексей Аджубей. Мы с ним не были знакомы, но он регулярно показывал мои фильмы Хрущеву. Тот отправлял их в Канны, а в Каннах они все время получали какие-то призы!

— Тем не менее о вас мало что известно.

— Все эти годы я сторонился всякой суеты. Только так можно сохранить свой талант. Однажды я прочитал, что в Древнем Риме победителя встречали цветами, криками «ура», поэты прославляли его в стихах. А на запятках колесницы у него стоял раб, который время от времени повторял: «Помни, Цезарь, ты смертен!» Ведь не зря же говорят, что человек должен пройти огонь, воду и медные трубы.

— Что в вашем понимании «медные трубы»?

— Это трубы славы, они опаснее всего. Я встречал многих талантливых людей, которые не справились с ними. Сняв один хороший фильм, они старались не уронить своего авторитета и в последующих. Но когда художник очень старается, у него ничего не выходит — это закон. Когда я снял «Сорок первый», режиссер Александр Столпер попросил, чтобы ему тоже показали этот фильм. Мы с Ежовым сидели на просмотре сзади. Когда фильм закончился, Столпер повернулся к нам и спросил Ежова: «Сколько лет этому режиссеру?» — «Столько же, сколько и мне». — «Ему бы сейчас умереть!» Я не хотел умирать и поинтересовался, почему он так думает. Столпер, покраснев, ответил: «Я не желаю вам смерти. Просто вы никогда не снимете ничего лучше этой картины».

Досье «ВМ»

Григорий Наумович ЧУХРАЙ родился 23 мая 1921 г. в Мелитополе Украинской ССР. В 1952 окончил режиссерский факультет ВГИКа (мастерская С. Юткевича и М. Ромма). С 1953 — режиссер «Мосфильма». В 1966–1970 — педагог ВГИКа, руководитель режиссерской мастерской. Народный артист СССР (1981). Снял фильмы: «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо», «Жили-были старики со старухой», «Трясина» и другие.

Сын Григория Наумовича Павел — известный кинорежиссер (самый знаменитый его фильм — «Вор»), он женат на драматурге Марии Зверевой. Дочь Алена — киноактриса, создала собственное актерское агентство. Ее муж — один из лучших отечественных продюсеров Игорь Толстунов. Чухрай-старший — счастливый дедушка нескольких внуков и даже правнучки.

— Это как?

— А вот так! В одном из эпизодов было показано, что женщина изменяет мужу, а советская женщина так поступить не могла. Я пытался убедить начальство в том, что и такое бывало, но ничего не вышло. Спасло картину совсем другое. Она опять-таки попала на глаза Хрущеву. Он посмотрел и снова сказал: «Отправляйте в Канны!»

противник не хватается за кирпич или палку, то и ты не должен этого делать. Но если он все-таки взял оружие, ты тоже должен схватиться за какой-то предмет. Мои противники, как правило, хватились за оружие, которое в то время было очень эффективно, — за демагогию. Я считал, что тоже имею на это право. Честно скажу, занимался демагогией и был в этом деле весьма искусен.

23.05.01.
Чухрай Г.Н.